

ДЖЕННИФЕР Е. СМИТ

БИЛЕТ

На

УДАЧУ

МОСКВА
2019

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
С50

Jennifer E. Smith
WINDFALL

Copyright © 2017 by Jennifer E. Smith Inc.

Перевод с английского *Нины Павлиной*
Художественное оформление *Елены Окольциной*

Смит, Дженнифер.

С50 Билет на удачу / Дженнифер Смит ; [перевод с ан-
глийского Н. Павлиной]. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-104688-0

Какая чудовищная несправедливость — влюбиться в парня, сво-
его лучшего друга. Жизнь восемнадцатилетней Элис могла бы быть
гораздо проще, если бы не чувство к Тедди.

На день рождения Тедди Элис дарит ему лотерейный билет.
И внезапно все меняется: сто сорок миллионов долларов способны
разрушить не только дружбу, но и привычную жизнь. Тедди начина-
ет отдаляться от Элис. Теперь он богат, у него престижная огромная
квартира, дорогая машина и куча новых друзей. Элис уже пожалела,
что подарила выигрышный билет. Но ей придется найти способ до-
стучаться до сердца Тедди, пока не стало поздно.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Павлива Н., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-104688-0

*Посвящается Эндрию,
моему талисману.*

Вы, кто читает эти строки, отложите на минуту книгу и подумайте о той длинной цепи из железа или золота, из терниев или цветов, которая не обвила бы вас, если бы первое звено ее не было выковано в какой-то один, навсегда памятный для вас день.

*Чарльз Диккенс, «Большие надежды»
(Пер. с англ. М. Лорие)*

Внезапный куш (англ. *windfall*) — полученная по счастливой случайности крупная сумма денег.

Часть 1

ЯНВАРЬ

1

Когда мужчина за стойкой спрашивает мое счастливое число, я медлю с ответом.

— Должно же быть хотя бы одно, — удивляется он, и стержень его ручки висит над бланком с рядами кружков. — У всех есть.

Проблема вот в чем: я не верю в удачу. Меня она как-то обходит стороной.

— Тогда это может быть любое число. — Мужчина облокачивается на стойку. — Мне нужно пять чисел. Только есть одна хитрость. И это большой секрет. Готова его услышать?

Я киваю с таким видом, словно не в первый раз покупаю лотерейный билет, словно постоянно делаю это, словно восемнадцать мне исполнилось не две недели назад.

— Они должны быть действительно значимыми для тебя.

— Поняла, — отвечаю с улыбкой, поражаясь тому, что подыгрываю ему. Вообще-то я планировала, чтобы за меня все решил компьютер, хотела положиться на числа, выпавшие наугад.

Одно число само собой всплывает в памяти, и я произношу его, не подумав:

— Как насчет тридцати одного?

День рождения Тедди.

— Тридцать один, — повторяет за мной мужчина, зачеркивая кружок с соответствующим числом. — Звучит весьма многообещающе.

— И восемь, — говорю я.

Мой день рождения.

За мной уже выстроилась очередь из людей, желающих купить себе лотерейные билеты, и я кожей чувствую их всеобщее нетерпение. Бросив взгляд на электронное табло над стойкой, вижу три цифры, горящие красным светом.

— Триста два, — указываю на табло. — Миллиона?

Мужчина кивает, и у меня потрясенно отваливается челюсть.

— Столько можно выиграть?

— Ты ничего не сможешь выиграть, пока не выберешь остальные числа, — замечает он.

— Точно, — киваю я. — Тогда двадцать четыре.

Игровой номер Тедди в баскетбольной команде.

— И одиннадцать.

Номер его квартиры.

— И девять.

Столько лет мы с ним дружим.

— Прекрасно, — говорит мужчина. — А число «Пауэрбола»?¹

— Что?

— Ты должна выбрать число «Пауэрбола».

— До этого вы говорили о пяти числах, — хмуро напоминаю я.

— Верно. Пять — для белых шаров и одно — для красного.

На табло над стойкой меняются цифры: «триста три». Немыслимо, невероятно огромная сумма.

Глубоко вздохнув, я прокручиваю в голове разные числа. Одно из них, как по волшебству, вновь и вновь всплывает поверх других.

— Тринадцать, — произношу я, почти ожидая: сейчас

¹ Речь идет об американской лотерее «Пауэрбол» (англ. *Powerball*). Это розыгрыш с двумя лототронами. В одном 69 белых шаров, в другом — 26 красных. Разыгрывается пять белых и только один красный шар, который называется *пауэрбол*. — *Здесь и далее примеч. пер.*

произойдет что-то ужасное. Это слово для меня подобно ослепительному электрическому разряду. Странно, но, произнесенное вслух, оно ничем не отличается от любого другого.

Мужчина смотрит на меня с сомнением:

— Точно? Оно ведь несчастливое.

— Обычное число, — отвечаю я, зная, что это неправда, ни на секунду не веря своим собственным словам. Числа — ненадежная штука. Они редко рассказывают историю целиком.

И все же когда мужчина протягивает мне клочок бумаги — маленький квадратик с набором чисел, выбранных наобум, но, возможно, сулящих удачу, — я бережно складываю его и засовываю поглубже в карман пальто.

На всякий случай.

2

На улице меня ждет Лео. Пошел снег, и влажные, пушистые снежинки густо покрыли его темные волосы и плечи куртки.

— Дело сделано? — спрашивает он, направляясь к автобусной остановке.

Я спешу за ним, чуть оскальзываясь на свежем снегу.

— Ты в курсе, сколько этот билет может принести?

Громадная сумма никак не укладывается у меня в голове.

— Миллион? — приподнимает бровь Лео.

— Не-а.

— Два?

— Триста три миллиона, — сообщаю я и на всякий случай добавляю: — *Долларов.*

— Это если ты выиграешь, — улыбается Лео. — Большинство людей ничего не получают за этот листок.

Я щупаю лежащий в кармане билет.

— И все же, как по мне, — замечаю я, когда мы под-

ходим к огороженной с трех сторон остановке, — так это просто безумие.

Мы садимся на скамейку. Дыхание вырывается из рта облачками пара, на секунду повисающими в воздухе. Снег покалывает кожу, с озера дует резкий ледяной ветер. Мы с Лео жмемся друг к другу, чтобы согреться. Лео — мой двоюродный брат, но для меня он как родной. Я живу в его семье с девяти лет: столько мне было, когда мои родители умерли друг за другом с разницей в один год.

После смерти родителей я была как в бреду. Ужасное время. Меня выдернули из Сан-Франциско — единственного дома, который я знала, — и, перекинув через полстраны, поселили в доме дяди и тети, в Чикаго. Лео меня буквально спас.

Я приехала к ним все еще не в себе, потрясенная чудовищной несправедливостью мира, с бессердечной пунктуальностью забравшего моих родителей одного за другим. Но Лео решил, что заботиться обо мне — его обязанность, и исполнял ее со всей серьезностью даже в свои девять лет.

Мы оба пошли в своих мам и представляли собой странную парочку. Я — тонкая и бледная, с настолько светлыми волосами, что при определенном освещении они приобретают розоватый оттенок. И Лео — кареглазый, с темной копной волос. Он был забавным, добрым и бесконечно терпеливым, в то время как я была тихой, подавленной и замкнутой.

Но мы с самого начала стали единой командой: Лео и Элис.

И, конечно же, Тедди. Эти двое — с малых лет неразлучные — сразу взяли меня под свое крыло. С тех пор мы стали трио.

Подъезжает автобус, тускло светя фарами в вихре снежинок, и мы забираемся внутрь. Я сажусь у окна, Лео опускается на сиденье рядом со мной и вытягивает длинные ноги в пустой проход. Под его ботинками быстро образуется лужица. Я достаю из сумки купленную для Тедди поздравительную открытку и протягиваю Лео ладонь.

Он без вопросов вручает мне тяжелую авторучку, которую всегда носит с собой.

— А я украл твою идею, — говорит брат, вынимая из кармана куртки пачку сигарет. Он вращает ее между пальцами, явно довольный собой. — Еще одно преимущество восемнадцатилетия. Знаю, что Тедди не курит, но это все же лучше, чем расписка «я тебе должен» за его обнимашки.

— Он подарил тебе обнимашки? Меня он ими наградил за якобы бесплатное мороженое, которое мне потом пришлось оплатить.

— Очень на него похоже, — смеется Лео.

Я прижимаю открытку к спинке стоящего передо мной сиденья и пытаюсь удержать ее ровно — автобус постоянно подпрыгивает. С гулко бьющимся сердцем смотрю на чистое поле для слов. Заметив мои колебания, Лео отворачивается к проходу, чтобы меня не смущать. Секунду глазею на его спину: он из вежливости это сделал или наконец разгадал мой секрет? Мои щеки заливаает румянец.

Вот уже три года, как я влюблена в Тедди Макэвоя.

Я остро сознаю, что, скорее всего, плохо это скрываю, но из чувства самосохранения стараюсь об этом не думать. Утешает одно — Тедди моих чувств точно не замечает. Он обладает массой чудесных качеств, но наблюдательностью, мягко говоря, не отличается. Что мне в данной ситуации только на руку.

Влюбленность в Тедди застигла меня врасплох. Много лет он был моим лучшим другом: забавным, очаровательным, бесенячим и зачастую придурковатым лучшим другом. А потом вдруг раз! — и все изменилось.

Мы обходили закусочные в северной части Чикаго, участвуя в акции хот-дог-крол¹. Тедди наметил пройтись по самым лучшим местечкам. С утра было прохладно, но с течением дня становилось все теплее, поэтому я сняла

¹ Хот-дог-крол (англ. *hot dog crawl*) — акция, проводимая закусочными. Участникам необходимо пройтись по определенным закусочным и проставить там на специальную карточку штампы. Заполненные карточки используются для розыгрыша.

толстовку и завязала ее на поясе. И только в четвертой закуской — сидя за столиком и с трудом запихивая в себя очередной хот-дог — я обнаружила, что где-то по дороге потеряла толстовку.

— Это же кофта твоей мамы? — потрясенно спросил Лео, и я кивнула.

Толстовка была старой, с протертыми до дыр манжетами, с надписью «Стэнфорд». Но она принадлежала моей маме и потому была бесценной.

— Мы найдем ее, — пообещал Тедди, когда мы двинулись по нашему маршруту назад.

Я в этом очень сомневалась, и сердце ныло при мысли о том, что я потеряла мамину вещь.

К тому времени как пошел дождь, мы осилили лишь полпути, и скоро стало понятно: кофту нам не отыскать. Оставалось лишь бросить это безнадежное дело.

Позже тем вечером на моем мобильном высветилось сообщение от Тедди: «Я у твоего дома». Не переодеваясь, я прямо в пижаме тихонько спустилась по лестнице вниз и открыла входную дверь. Тедди стоял на пороге под дождем, насквозь промокший. Зажав под мышкой мамину толстовку на манер футбольного мяча. Он нашел ее! Я не могла в это поверить. Не могла поверить в то, что он вернулся ее искать.

Тедди ни слова не успел сказать: я обхватила его руками и крепко-крепко обняла. В этот миг и пришло озарение. Как будто сердце было радио, которому годами мешали помехи, а тут они вдруг разом исчезли. Может, я давно уже любила Тедди. Может, я просто не осознавала этого, пока не открыла ему дверь в тот вечер. А может, я и должна была влюбиться в него именно так: в стоящего на крыльце дрожащего парня, зажавшего под мышкой мою мокрую кофту, и это было столь же неизбежно, как смена дня и ночи.

Чувства к Тедди давались непросто. Любовь к нему засела в сердце занозой и мучила меня безудержно и неумолимо, точно зубная боль. Вот только от нее нельзя было

излечиться. Три года я продолжала дружить с ним и смотреть на то, как он влюбляется в других девчонок. И все это время боялась признаться ему в своих чувствах.

Я гляжу на открытку перед собой, затем перевожу взгляд на ручку. Вечер за окном укрыт белой пеленой снега, автобус все дальше уносит нас из центра города. Темнота за стеклом и летящие в него снежинки создают ощущение нереальности происходящего, отчего я на мгновение обретаю смелость.

Глубоко вздохнув, вывожу на открытке: «*Дорогой Тедди*».

И, чтобы не передумать, продолжаю стремительно писать, без оглядки изливая чувства на бумагу, — столь беспечно, столь храбро, столь невероятно глупо, что в ушах оглушительно стучит кровь.

Подписав открытку, тянусь к конверту.

— Не забудь вложить туда билет, — напоминает Лео.

Достаю лотерейный билет из кармана — помятый и порвавшийся в уголке. Изо всех сил пытаюсь разглядеть его на ноге. Лео наклоняется рассмотреть билет, и от смущения у меня снова вспыхивают щеки.

— День рождения Тедди? — спрашивает он, вглядываясь в числа. В тепле салона стекла его очков запотели. — Слишком очевидно...

— И в подобном случае — подходяще.

— Твой день рождения. Игровой номер Тедди. — Лео несколько секунд молчит. — Одиннадцать? Что это?

— Нечетное число.

— Очень смешно. — В его глазах вспыхивает догадка. — О, понял! Номер его квартиры. А девять?

— Столько лет...

— ...вы с ним дружите, — заканчивает за меня Лео и переводит взгляд на последнее число — жутковатое, бросающееся в глаза. Тринадцать. Увидев его, Лео вскидывает голову, темные глаза полны тревоги и беспокойства.

— Оно ничего не значит, — поспешно говорю я, переворачиваю билет и прижимаю к ноге ладонью. — Мне нужно было быстро придумать какое-то число. И я...

- Ты не обязана ничего объяснять.
- Знаю, — пожимаю плечами.
- Я понимаю, — заверяет меня Лео, и я знаю, что он действительно все понимает. Это самое лучшее в нем.

Он долгую секунду смотрит на меня, словно убеждаясь, что я в порядке, а потом откидывается на спинку сиденья. Мы оба устремляем взгляды вперед, прямо перед собой. Автобус мчится сквозь снег, и окно напоминает экран телевизора со статическими помехами. Минуту спустя Лео накрывает мою ладонь своей, и, придвинувшись, я кладу голову ему на плечо. Так мы и едем остаток пути.

3

В квартире Тедди почти как в парилке, в маленьком пространстве слишком много людей и слишком много шума. У двери гудит и потрескивает старенький обогреватель, от оглушительно играющей в спальне музыки подрагивают на стенах школьные фотографии. Единственное окно в кухне-столовой запотело, и кто-то написал на нем: «Тедди Макэвой — ...» Последнее слово стерто, поэтому, какой же именно Тедди Макэвой, останется тайной.

— Не вижу его, — говорю я, сняв пальто и кинув его поверх неряшливой кучи брошенной на полу одежды.

Лео связывает рукава моего пальто и своей куртки так, что кажется, будто они держатся за руки.

— И как он решился на это? — отвечает он вопросом. — Мама его убьет.

Однако дело не только в маме. Тедди никого не приглашает к себе домой, даже когда она работает в ночные смены медсестрой. Причина в размерах квартиры. В ней всего две комнаты, ну, или три, если считать ванную. Кухонька представляет собой крохотное, облицованное кафелем пространство в углу. И спальня есть только у Тедди. Его мама спит на раздвижном диване, пока он учится в школе, — деталь, бросающаяся в глаза и демонстрирующая,

что с деньгами в семье Тедди довольно туго в отличие от большинства его одноклассников.

Но мне всегда здесь нравилось. Отец бросил Тедди и его маму, и им пришлось оставить просторные двуспальные апартаменты в Линкольн-Парке. Теперь они могут позволить себе только такую квартиру. Кэтрин Макэвой сделала все, чтобы тут стало по-домашнему уютно. Ванную она покрасила в жизнерадостный розовый цвет, а гостиную в ярко-голубой — так и чудится, будто ты в бассейне. В спальне Тедди стены разного оттенка: красного, желтого, зеленого и синего — как внутри парашюта.

Из-за собравшейся толпы сегодня здесь неуютно. Мимо проходит стайка одиннадцатиклассниц, и я слышу слова одной из них:

— Тут всего одна спальня?

— Невероятно, да? — округляет глаза другая. — Где спит его мама?

— Я, конечно, знала, что он не богат, но даже подумать не могла, что он *нищ*.

Лео рядом сразу ошетиливается.

Именно поэтому Тедди сюда никого, кроме нас, не приглашает. И поэтому же мне так странно видеть здесь сегодня десятки наших одноклассников, занявших каждый дюйм свободного пространства. На диван втиснулось аж пять девочек. Как они, интересно, будут разлепляться, чтобы встать? А ведущий в спальню Тедди коридор забит лучшей частью его баскетбольной команды. Один из игроков пронесится мимо нас на кухню, пробивая себе путь локтями и высоко подняв чашку, из которой на его футболку выплескивается жидкость.

— Братан! Братан! Братан! — кричит он.

— «Братан», — передразнивает его Лео, вызывая у меня смех.

Не имеет значения, какой сейчас сезон, играют ли в футбол, баскетбол или бейсбол, рядом с товарищами по команде Тедди мы всегда чувствуем себя слегка не в своей тарелке. Тедди словно ведет две разные жизни. В одной он